

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (1114). Понедельник, 15 января 1945 г. Цена 45 коп.

А. С. ГРИБОЕДОВ

Отмечаем 150-летие со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова...

Грибоедов принадлежит к самым могучим прозаикам русского духа...

В комедии Грибоедова показана вся русская жизнь его времени...

В гениальных и горячих монологах Чацкого, возбуждавших ненависть к самодержавно-крепостническому строю...

Следует отметить еще одну важную черту в творчестве Грибоедова...

Любовь к отчизне, желание видеть свой народ сильным, просвещенным и свободным...

«Горе от ума» является примером подлинного реализма. Грибоедов создал образы большой общественной значимости...

Комедия Грибоедова, как и «Перюшкин» Фонвизина, знаменовала начало русской национальной драматургии...

Сжатый, «молиненосный», как называл его Белинский, стих комедии, его энциклопедическая точность...

Метель, искрящаясь остроумием выражения и образами Грибоедова...

Значение комедии Грибоедова не исчерпывается ее ролью в развитии русской драматургии...

Юбилей Грибоедова отмечается всем нашим народом. Его комедия ставится на сценах не только русских театров...

В СОВНАРКОМЕ СССР

О мероприятиях по увековечению памяти А. С. Грибоедова в связи со 150-летием со дня его рождения

- В связи с исполняющимся 15 января 1945 года 150-летием со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова...

Указ Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ КОМПОЗИТОРА ГИЕРА Р. М. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги в области музыкального искусства, в связи с 70-летием со дня рождения, наградить композитора Гиеера Рейнгольда Морисовича орденом Ленина.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ АНТОНОВСКОЙ А. А. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМИНИ

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 60-летием со дня рождения, наградить писательницу Антоновскую Анну Арнольдовну орденом Трудового Красного Знамени.

НАГРАЖДЕНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ МЕДАЛЬЮ «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ»

Постановлением Исполнительного комитета Московского совета 1945 года группа писателей и работников СПС СССР награждена медалью «За оборону Москвы»...

Леонид ЛЕОНОВ

Судьба Поэта

Доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР

Есть свойство в человеческой природе: мы привыкли ко всему, что ежедневно, гордой радостью должно наполнять наше сердце...

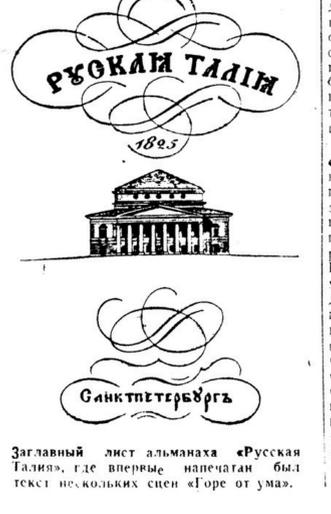
Человеческая культура потому и трепещет беспрерывно, что она еще подлетает к земле, и не ослабляет напора стихии, ветвится и множится...

Есть книги, которые читаются; есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми; есть книги, что хранятся в сердце...

Старинный доклад из Европы призывал к нам, естественно, в иноземной духовной уловке...

«Горе от ума» предстает перед нами не в том виде, в каком оно явилось перед изумленными современниками...

Становило это понимал и сам народ. Как раз в эту пору, осязая опасность иноземного вторжения...

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения великого русского писателя А. С. Грибоедова.

будила ярость или совесть. Это отличало драматическое произведение, ставило для писателя задачу не только выразить реакцию...

«Горе от ума» родилось на переломе двух непримиримых эпох, когда Россия и ее славное еще не пробудившееся сознание...

Вспомните, всего лет за тридцать до рождения Грибоедова русская академия послала Вольтера вместе с уникальными архивными документами...

Старинный доклад из Европы призывал к нам, естественно, в иноземной духовной уловке, к тому же дум отсюда благодетельно излучалась высокая, всегда благоухающая печать на весь строй жизни...

«Горе от ума» предстает перед нами не в том виде, в каком оно явилось перед изумленными современниками. Мы отмечаем классические линии совершенной драматургии...

Он пришел из той самой среды дворянства, которое ему предстояло осудить и на которое опирался первый, верховный помещик империи...

в наших мальчишках задорный и увлекательный вперед патриотизм Чацкого! И если бы не было своевременно Чацкого у нас...

За минувшие сто лет эта книга вытискивалась в кровь и разум воспитанных поколений. За малым исключением, на ней пробовали зрелость мысли все русские писатели...

Но старый ворон, любитель мертвой кости Аракчеев тоже был русский, и может быть, тоже любил ее по-своему. Изумительная штука Расстригин также был русский...

Так, значит, разная бывает любовь к родине: имея заключенная в том, чтобы не допустить ее до творческих мук...

Представляет особый интерес было пробыть по рабочим тетрадям Грибоедова, порою — распахивая творческие поля...

Одновременно с живописанием друзей, как черные клубы дыма, поднимались «облака», брали, клеветали, доносили и сама всемогущая змея...

То была суматоха крупнейшего общественного скандала. Комедия тем яростней терзала цензора, чем громче рукоприкладство ее прогрессивная часть обрела...

Дли час, вышедши, Чацкий был прежде всего русским человеком, осознанием не только своего национально-самостоятельного, но и высокие нравственные задачи...

Успех этой книги широчайшего общественного анализа был бы немалым, если бы высоким идейным качеством не соответствовали такие же литературные достоинства. Ее архитектура совершенна...

Advertisement for 'ГОРЕ ОТ УМА' (GORE OT UMA) by Alexander S. Griboedov, published by 'МОСКВА' (MOSCOW).

ПУБЛИКАЦИЯ В. НЕЧАЕВОЙ

В свое время Александр Блок, обратившись к нескольким белым, очень тонким замечаниям о Грибоедове, утверждал, что «Горе от ума» остается «первакромом до конца» и что «будущим русским поколениям» придется возвращаться к «трагическим прозеям» Грибоедова...

Грибоедов — рисунок А. С. Пушкина (1831 г.).

А он был таким предком. В образе Чацкого недаром так тщательно отгруппированы черты человека третьей воли, творца...

Смысл этот настолько велик, что для того, чтобы полностью раскрыть его, надобно прежде всего понять творчество Грибоедова исторически — как явление истории и факт культуры.

Идейное содержание «Горе от ума» не исчерпывается сатирическим разоблачением порядков крепостнического общества. В комедии дана широкая и во всех деталях верная историческая картина русской жизни в конце XVIII — начале XIX веков...

В О. Ключевский, конечно, имел все основания назвать комедию Грибоедова «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века».

В. О. Ключевский, конечно, имел все основания назвать комедию Грибоедова «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века».

Литература 1810—1820 гг. не создала положительного героя в духе декабристских представлений о человеке и его общественной практике.

В самом деле, именно Грибоедов выдвинул громадную и новую для русской литературы его времени тему — человека, говоря, тему противоречия «ума» и «неумности» действительности.

руководимого волей и освобождающегося человека из плена индустриальных страстей, владеющих его сознанием.

Именно у Чацкого стоит его вне круга Фамусовых, Молчаливых и их с ними, вне привычных для них норм общественного поведения.

«Ум» Чацкого — также первопричина его любовного конфликта с Софией. У Чацкого «ум» с серединой не в ладу. Его «ум» и благородство, владеющие им чувства гражданского негодования, общественно-благородного долга и человеческого достоинства...

Иное дело, что первоначальный «высокий» замысел Грибоедова получил в комедии частичное осуществление.

Иное дело, что первоначальный «высокий» замысел Грибоедова получил в комедии частичное осуществление. Однако сама коллизия страсти и долга, нашедшая выражение в личной драме Чацкого, вносит в памфлетно-сатирическую комедию быта и нравов полиотно трагическое начало.

Центральный государственный литературный архив хранит небольшое, но немаловажное по значению собрание документов, относящихся к А. С. Грибоедову.

Часть работы над возведением «Кто брат, кто сестра», неудачная постановка на сцене их общего детства, нападки журналистов — все это обильно Грибоедова с Вячеславом.

«Любезнейший князь, на мою комедию не надейтесь, ей нет прощусь; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно, судья лишнего ропота от меня не услышит, впрочем любительство многих уверить не сумею...

Как у вас там на Серпуховских полях? А здесь мертвая скука, да что? Не вы ли во всей Руси поучили глупейший, кландинский воздух? А поетрие отсюда.

Ольга ФОРШ

Чацкий и современность

Книга бессмертна, если она отвечает не только на вопросы сегодняшнего дня, но и присутствует в ней и тот обобщающий, философский смысл явления, над которым время бессильно.

Такая книга, чем дальше, тем глубже охватывает. Так река, скрытая холмами, по мере их выветривания, предстает взором во всей широте.

Горький бессмертной комедии Грибоедова — Чацкий и в наши дни оказывается живым и действенным.

Живым и действенным. Недаром сказано про него Гончаровым: Чацкий «вечный общительный джиг, зырящийся в подслепку; колдун в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель».

Чацкий — современнейший герой нашей классической литературы не только по готовности к безстрашию, но и по тем идеям, за которые он хочет биться.

Фамусов и его присные полагают, что их практическая устроенность оправдана самой природой, эдаким «заказом» природы. Получая равнина быта, только б прогнать...

И вдруг, как удар грома, предостерегающий окрик Чацкого, что никакого благополучия нет, что если не спохватятся — заорет на смерть болото!

Да, бомба Чацкого попала в цель Горький упорный бой, «открытый им в один день, в одном московском доме, отразился на всей Москве, на всей России» пересмотром идеи государства, морали и быта...

Появление Чацкого срывает безжалостно мишурные покровы и с той жизни, которая стала уже обманной для Софии. Быть может, у нее в глубине есть тяга к поэзии чувства, но в мертвам быту поневеле ей прихотится жить, как все, хотеть, как все, чтобы у нее был «муж-мальчик, муж-слуга»...

Иллюстрация С. Башилова из первого иллюстрированного издания «Горе от ума», вышедшего в 60-х годах прошлого столетия. К. Грибоедовскому юбилею выпускает «Горе от ума» с иллюстрациями С. Башилова.

татора в чадной вологодской избе, у лучинки, где бабы наши ткут километры холста на местную Салтычиху!

Отсюда рождаются молчанье и задумчивость Грибоедова после написания «Горь». В самом деле, не смерть же Шерегеева на дуэли поставила на него, в его сознании, тему «Горе от ума»?

И тогда рождается у Грибоедова эти горькие разочарования строки «Какая волость! Волостное селение...»

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА Л. ЛЕОНОВА

Начало см. на 1 стр.

чего нет чужого, — страдает болезнью близкого, кинит при слухе о чьем-либо бедствии. Кроме близких, об этом не полагал никто.

За 15 лет он написал около 30 произведений, некоторые — в сообществе с талантливими друзьями. В ту пору этот вид деятельности враг ли сам он считал себя главным.

«Горе от ума», как гора, возвышается над остальным наследием Грибоедова. Не будь его, в применении к истории литературы было бы кратко сказано, что это был выдающийся русский дипломат, который в молодости не чуждался поэзии.

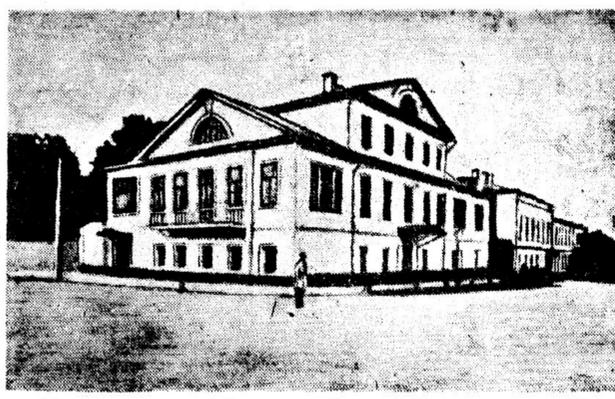
Думается, какая-то ужасная подробность, какими, избивали будни крепостнической семьи, в раннем детстве хлестнула по чуткому сердцу мальчика Александра. И ничто впоследствии — ни гусарские развлечения, ни шепелявая тишина гор кавказских не могли заткнуть эти мимолетно парящую. Может быть, это случилось по выходе из армии, в один из поезд в Москву.

Литературная газета

Рис. С. Башилова из первого иллюстрированного издания «Горе от ума».

Н. ПОЖАРСКИЙ Грибоедов за рубежом

Дом Грибоедовых на углу Новинского и Большого Десятинского пер. в Москве.

Б. ЛИВАНОВ Сценическая симфония

В моем представлении «Горе от ума» — сложнейшее музыкальное произведение. Это настоящая симфония с удивительно гармоничным многоголосием. Здесь с огромной силой выражены непотопорные черты таланта Грибоедова и прежде всего его страстный темперамент.

К сожалению, в нашем театре не всегда ощущают слово Грибоедова, написанное «с кровью сердца» — сердца, охваченного романтическим пламенем. Часто его заслоняют амбициозные линии, точность подражания старине. Часто мешают какие-то литературные реминисценции, когда, например, Чацкого воспринимают как холодного режиссера. А между тем, «Горе от ума», на мой взгляд, — одно из самых темпераментных произведений мировой литературы.

В нем полны экспрессии даже знаки препинания. Ведь не случайно Грибоедов так часто употребляет двойные знаки восклицания или вопроса.

Очевидно, для него, как для композитора-музыканта, эти ударения имели огромное значение, наполняя необычайной силой все выражения чувств — гнев, сарказм, любовь.

Как нотными знаками, указывает Грибоедов на все, что может уточнить понимание мысли, положений и образов пьесы. Есть, например, в 1-м акте во встрече Чацкого и Софьи, замечательная авторская ремарка: «мгновенное молчание». Обычно в театре его не замечают. А ведь это — настоящее музыкальное решение Луска, как пауза, которая звучит в симфонии с огромной силой.

Неподражаем язык характеристик Грибоедова, образный и точный. Каждому персонажу комедии свойственна своя музыкальная гамма. Если, например, говорит Загорский, то буквально каждое его слово приводит вас в бешенство, — так ярко выражено в каждом из них ничтожество и флюиды.

Метафоры, эпитеты Грибоедова не входят в характер самой Лизы. «Ну, люди, в дальней стороне!» — говорит Лиза во втором акте. В этих словах — весь образ девушки, приехавшей в столицу из далекой деревни, чувствующей себя чужой здесь, но прекрасно все понимающей и оценивающей. Так же лаконично, но удивительно метко и остро Лиза дает характеристики людям. «И золотой мешок, и медяк в генераль» — что может быть лучше этого замечательного определения Скалозуба? Удивительно простыми и ясными словами выражает Лиза свое ощущение того, каким должен быть любящий человек:

О. АНДРОВСКАЯ В каждом слове — богатство

«Горе от ума» необычайно легко укладывается в памяти и надолго запоминается. Эта особенность Грибоедова объясняется тем, что он не просто укладывает в торжественном вечере посвященном памяти Грибоедова, а подумала: необходимо сейчас же повторить текст. У меня не важная память, и я быстро забываю свои роли. Но на этот раз оказалось, что роль Лизы я помню полностью. Мало того — как только я начала восстанавливать текст своей роли, мне немедленно вспомнились и реплики других действующих лиц.

Речь каждого персонажа «Горе от ума» тесно связана именно с его мироощущением, его характером, его существом. Слово Грибоедова сразу делает меня «Лизой» — ни Софья, ни Чацкий, никто другой не сможет говорить теми же словами. Это — речь глубоко национальная, русская, не вульгарная, но вместе с тем и не ополитизирующая, это настоящий, красивый народный язык. Здесь часто встречаются подлинно «простонародные» выражения, вроде «покуда» или «ну, вот у прачки». Истинно народный язык — это язык, который не боится быть простым и простым, но не боится быть простым и простым. Истинно народный язык — это язык, который не боится быть простым и простым.

Юр. ЮРЬЕВ Актеры и роли

«Горе от ума» долгое время не появлялось на сцене. Сначала по цензурным условиям. Крупные Фамусовы и мелкие Молчащие сразу поняли, какая опасность грозит их безмятежному существованию, если с распространением комедии они сделаются предметом насмешек. Характеры комедии, выветренные из действительности, так правдивы и живы, что многие без труда узнавали в них свои портреты, портреты родных и близких знакомых и стали выступать Грибоедова перед высшими мерами как зловерного пасквилья. Благодаря связям, родству и кумовству ни удалось привлечь на свою сторону петербургские власти и добиться запрещения пьесы.

В первый раз Грибоедову удалось увидеть свою пьесу на сцене лишь в 1827 г. в Эрмитаже, где офицеры устроили театр во дворе Сардаара, но после первого представления спектакль был запрещен, и только в 1830 г. на сцене Московского театра в бенефис артистки Рейной был поставлен лишь один третий акт «Горе от ума» под названием «Московский бал». Сметавшись, судя по отзывам тогдашней прессы, вышел крайне неудачным.

В то время в нашем театре насажался французский репертуар с мелодрамой во главе и в лучшем случае — Мольер, и нет ничего удивительного, что навыки русских актеров приобретались в зависимости от господствующего репертуара. К тому же французские труппы в то время часто посещали наши столицы, и русские артисты учились искусству у французов. Но в 1827 г. по волею судьбы постановки на сцене третий акт Грибоедовской комедии, где так тонко и верно изображена русская действительность, оказалась столь плачевной.

Критик спектакля отказывается даже вспомнить о недостатках, «искаживших» исполнение бессмертной комедии, и он решается упомянуть об исполнении одной роли молодым артистом Степановым, и то только с умением преобразиться в драголюбовского барина и искусно подделывать физиономию и походку.

В полном виде представлялась была комедия на сцене Петербургского Большого театра 26 января 1831 г. в бенефис артиста Брянского, и ее постигла та же участь, что и исполнение одного акта на московской сцене. И все по той же причине.

Знаменитый трагик Каратыгин изобразил Чацкого, по мнению того же критика, «теплым тупицей, скорее Агамемноном, нежели Чацким». Смотрел на всех с восторгом Оливера, прозю и величаво читал выходы, как триумфатор судей. Роль Рейной вышла также неудачной в исполнении Сонинского, сыгравшего популярного мота. Артист, исполнявший Загорского, бегал, согнувшись, по театру, подслушивал чужие речи, представлял какого-то лгунича, «зачем это горбаче, зачем вытаскивать вперед шею, зачем подслушивать? Откал не ведут себя в обществе драки и оглядывались пугливо» — замечает критик.

Новые произведения А. Толстой Петр Первый

ОТРЫВОК ИЗ ШЕСТОЙ ГЛАВЫ

Всюку бы другую такую длинную и сухую грамоту Петр Алексеевич бросил бы через стол секретарю Макарову: «Прочти, изложи вразумительно» — но это была — диспозиция фельдмаршала Огильви. Если считать, что жалование ему шло с первого мая, и ничего другого он пока не сделал, диспозиция обобщалась казне семсот золотых ефимков, не считая кармы и другого довольствия. Петр Алексеевич, покосившись хнычущую трубочку и покрывавшую влад ей, терпеливо читал написанное по-немецки творение фельдмаршала.

Вокруг спешив кружились зеленая мошкара, налетали страшные караморы, опавшие — падали на выдумки, разбросанные по столу, закуклился было, задувая свечи, бражник — величнейший пол воробья (Петр Алексеевич вздрогнул, он не любил странных и бесполовых тварей, в особенности тараканов). Макаров сорвал с себя парик, подпрыгивая, вынул бражника из шапки.

Власть Петра Алексеевича сидел, разгинул короткие ляжки, Петр Павлович Шафиров, прибывший с фельдмаршалом из Москвы, — индейский, с влажными, улыбающимися глазами, готовыми все понять на-лету. Петр давно присматривался к нему: — достаточно ли ум, чтобы быть верным, по-большому ли хитер, не жадал ли чрезмерно? За последние время Шафиров из простого переводчика при Польском приказе стал так большой персоной, хотя и без чина.

Опять напугал, налетял! — сказал Петр Алексеевич, морщась — Шафиров взамутил маленькими руками в перстни, сорвал с себя шапку и скоро, точно переводчик, занял место.

— А! только-то всего, а я думал — премудрости! — Петр сулил рукою перо в чернильницу и на полях рукописи нацарапал несколько слов, — Почему-то проше... А что, Петр Палыч, ты с фельдмаршалом пуд соли съел, — стоящий он человек?

Сизо-бритое лицо Шафирова расплылось в широкой, хитрой, как у дьявола. Он ничего не ответил даже не из осторожности, но зная, что немглавые глаза Петра и без того насковоз прочтут его мысли.

— Наши жалуются, что уж больно гонд. К солдату близко не подойдет — брезгует. Не знаю — чем у русского солдата можно брезговать, зазеру у любого рубаха — тело чистое, белое. А выи разе у обонных мужиков только... Ах, цезарий! Зашел к нему ныне угром — он моется в маленьком тазике, — в одной воде и руки вымыл и лицо и накарал туда же... А нами брезгует. А в бане с приезда из Вены не был.

— Не был, не был... — Шафиров весь трясся — смеялся, прикрывая рот кончиками пальцев. — В Германии, — он расказывал, — когда господину нужно вымыться — приносят чай с водой, в коем он по надобности может те иль иные члены... А баня — общий варваров... А больше всего гондти фельдмаршала возмущает, что нас едят много чесноку и толченому, и рубленого, и просто так — равно колотым и бояре... В первые дни он затыкал нос платочком... — Да ну? — удивился Петр, что ж ты раньше не скажи... А и верно, что много чесноку едят, впрочем чеснок вещь полезная, пудай уж привыкает... Он бросил на стол прочитанную диспозицию, потянулся, хрустнул суставами и — вдруг — Макарову.

— Варвар, смахни со стола эту пакость, мошкарку... Вели подать вина и ступ для фельдмаршала... И еще у тебя, Макаров, привычка: слушать, дыша чесноком в лицо... Дыши, отвернувшись, и никто не знает, что ты дышишь фельдмаршалом Огильви.

В шестер вошел фельдмаршал Огильви, в желтом парике, в белом, обшитом золотым галуном военном кафтане, в спущенных ниже колен мягких ботфортах. Подняв в одной руке шляпу, в другой держал он поклонился и тотчас выпрямился во всю длину, указав на все распоряжениями пальцами на стул: — Садись. Как алорно? Шафиров, подкатываясь — со сладкой улыбкой, — перевел. Фельдмаршал, исполненный достоинства, сел, несколько развлекся и выпята живот, далеко отнес руку с тростью. Лицо у него было желтоватое, полное, но постное, с тонкими губами, взгляд — ничего не скажешь — отвязный.

— Прочел я твою диспозицию, ничего-разумно, разумно, — Петр Алексеевич вытаскивал из-под стола ладя горола, — развлекайся и караморы. — Слово только в одном: Нраву надо взять не в три месяца, а в три дня! (Он кивнул, поджав губы).

Желтое лицо фельдмаршала вытянулось, будто некто, стоявший сзади, помог ему в этом — рыжие брови полезли вверх над самым париком, углы рта опустились, глаза выказали негодование.

— Ну, ну! Про три дня сказал старичок... Поторгуемся, сойдемся на одной дельке... Но больше времени тебе не отпущу. — Сердитыми щелчками Петр Алексеевич стал сбивать тварей с карты.

— Места для батареи вымал умно... Но — прости — давеча я сам приказал тебе заречить батареи повернуть против bastionов «Викторова» и «Гоню», ибо здесь и есть пята Ахиллесова у генерала Горня.

— Ваше величество, — выне выскочил Огильви, — по диспозиции мы назначаем с бомбардировки Иван-города и штурма оного... — Не надо... У генерала Горня как раз вся надежда, что мы провозим до осени с Иван-городом. А он нам не помеха, — разве что постреляет мелкошко по нашим

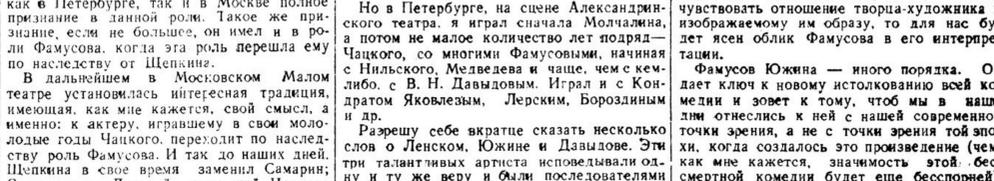

Иллюстрация Д. Шмарнинова к «Петру Первому» А. Н. Толстого. Из издания, подготовляемого Гослитиздатом. Слева — приезд Петра в Саардам, справа — спуск корабля в Воронеже.

К СЦЕНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ГОРЕ ОТ УМА».

в совершенный разлад с Фамусовым, как живым существом.

Что же касается исполнителей Чацкого, то по свидетельству автора «Хроники Петербургских театров» Вольфа, петербуржцы впервые увидели настоящего Грибоедовского Чацкого, т. е. светского человека, говорившего, но не декламирующего, — в исполнении И. В. Самарина. В дальнейшем в Московском Малом театре установилась интересная традиция, имеющая, как мне кажется, свой смысл, а именно: к актеру, играющему в свои молодые годы Чацкого, переходил по наследству роль Фамусова. И так до наших дней. Шелкина в свое время заменил Самарин; Самарина — Ленский, игравший Чацкого при Самарине — Фамусов; Южин — Чацкий при Ленском и Фамусов после Ленского. И, наконец, в наши дни бывший Чацкий при Южине Прох Михайлович Саловский ныне играет Фамусова.

Такая преемственность дает возможность накапливать и постепенно развивать лучшие традиции, созданные выдающимися исполнителями этих ролей. Каждый из перечисленных артистов играл роль по-своему, согласно своим данным и своей индивидуальности, но при этом все лучшие достижения предыдущих исполнителей приносил в внимание, и они входили в отдельные элементы в основу творчества, раз они не противоречили его личной интерпретации.

В этом отношении очень интересно письмо Кропоткина к Южину, написанное в 1919 году: «Я видел Шелкина в «Горе от ума», когда я был еще молодым, — пишет Кропоткин, — и игра его произвела на меня такое глубокое впечатление, что до сих пор вижу его и слышу. Позвольте вам сказать, что ваша игра в Фамусове перенесла меня именно к этим временам». А надо заметить, что индивидуальность Южина совсем не напоминала индивидуальность Шелкина, и, по дошедшим до нас данным, интерпретация роли Фамусова у Южина многим отличается от шелкинской. Шелкина же не застал. Самарина же видал во многих ролях, но, к сожалению, в Фамусове мне не довелось его видеть. Таким образом, на моей памяти из прежних исполнителей Фамусова на Московской Малой сцене — только Ленский и Южин.

Но в Петербурге, на сцене Александринского театра, я играл сначала Молчащим, а потом не малое количество лет подряд — Чацкого, со многими Фамусовыми, начиная с Нильского. Моевелева и чаще, чем кем-либо, с В. Н. Давыдовым. Играл и с Кондратом Яковлевым, Лерским, Бороздиным и др.

Разрешу себе вкратце сказать несколько слов о Ленском, Южине и Давыдове. Эти три талантливых артиста исповедывали одну и ту же веру и были последователями шелкинской школы, но индивидуальность каждого из них резко отличала их друг от друга, и потому выявление этой общей школы и трактовка самой роли в результате давали образы, не похожие между собой. Особенно это было заметно у Южина.

Начну с Фамусова петербургской сцены — В. Н. Давыдова. Он принадлежал к разряду тех сценических деятелей, которые не обладали предварительной работой, требующая спокойной головы. Я отношусь не хочу сказать — холодной мысли. Нет, но вместе с тем каждое инстинктивное возбужденное чувство, несмотря ни на какую интенсивность последнего, в тот же момент является постоянным сознательной критической мысли актера, и он оценивает каждый звук своего голоса, чувствует и мысленно видит каждый свой жест — словом, он обладал той способностью, в силу которой он, живя на сцене подпольной жизни изобразившего характера, созерцает его и мыслит о нем как об отдельном от себя объекте. Вот почему каждая его роль всегда была хорошо обдумана, отделана, и каждая деталь отшлифована и как бы покрыта лаком. Таким путем и создан был его Фамусов. Стих Грибоедова подавался им образно.

Но был ли при этом созданный им образ Фамусова совершенным? Давыдовым критика, да и сам знаменитый Шелкин, основываясь на личности Фамусова, считали барственным. Шелкин свое исполнение признавал неудовлетворительным именно потому, что был не в состоянии показать в своей игре барина. Этим недостатком страдало и исполнение Давыдова.

Я не думаю, однако, что это у него случайно. Случайно у такого выдающегося артиста не могло быть. Тут, как мне кажется, Давыдов, хорошо зная свою наличные данные, сознательно игнорировал барство Фамусова. Все же сцены, где Фамусов является только в роли чиновника, удавались артисту превосходно.

